СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ю.С. Язикова
Нижегородский педуниверситет

Процессы, происходящие в современном русском языке, вызывают значительный интерес. Об этом свидетельствуют как публикации в изданиях разного уровня (от академических до популярных), так и устные выступления и специалистов, и дилетантов из числа любящих язык и озабоченных его судьбой.

Вторая половина 80-х — 90-е годы время существенных преобразований в русском языке и в первую очередь — в лексике. В связи с изменениями в жизни российского общества последних полутора десятков лет, с активным вторжением, преимущественно через рекламу, языковых и речевых норм других языков, русский язык переживает существенные преобразования, в том числе и в области лексической семантики.

Семантические изменения протекают чрезвычайно интенсивно (составители Толкового словаря русского языка конца XX века считают их «важным проявлением инноваций нашего времени» (Толковый словарь русского языка... С. 9) и имеют разную природу.

Одни из них отражают социально-экономические преобразования в жизни страны и общества. К ним относятся процессы, рассмотренные в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)»: деактуализация значений, отражающих советские реалии; деидеологизация лексики; политизация некоторых групп лексики, деполитизация некоторых политических терминов; деспециализация терминов и проч.

Другие новации соотнесены с процессами, происходящими в России, опосредованно. Главным из них является «расширение значения слова», утрата им некоторых дифференцирующих, специализирующих сем. Это явление широко распространено и проявляется в различных группах слов.

Наиболее часто семантическое расширение мы находим в заимствованных словах, особенно при неспециальном употреблении терминов, «деспециализации терминов». Процесс деспециализации терминов в языке газеты рассмотрен Е.В. Какориной в упомянутой выше коллективной монографии, где названы его причины и основные тематические сферы лексических сочетаний. Однако само явление представлено гораздо шире, в частности — в устной публицистической речи. Наиболее часто используются слова *консенсус*, *стагнация*, *экология*, *ген*, *мафия*, *приоритет*, *альтернатива* и ряд других. Обратимся к примеру. В речи журналиста, рассуждающего о требованиях к профессии, прозвучало: *У каждого, кто подходит к микрофону, должна быть в генах человечность*[1]. Рассмотрим процесс семантического преобразования слова *ген*. В данном случае утрачивается сема 'наследственная преемственность', организующая смысловую структуру сло-

[1] Поскольку в статье рассматриваются распространенные факты, в ней сознательно не даются ссылки на авторов и источники, чтобы подчеркнуть типичность явления.

ва[1]. Думается, в приведенном примере реализуется потенциально присутствующая в слове *ген* сема глубинно присущего (но не врожденного) качества. Уровень квалификации говорящего, одного из талантливых современных журналистов, не позволяет увидеть в подобном употреблении ошибку, вызванную низким уровнем его речевой культуры, хотя нет здесь и сознательной языковой игры. Аналогичные факты утраты словом при употреблении специализирующих сем стали очень распространенными в современной речи, и в силу этого они заслуживают внимания не как ошибки, а как отражение наметившейся тенденции.

Подобный же процесс мы наблюдаем и при употреблении нетерминологических заимствований. Например, в слове *имидж*. Оно освоено сравнительно недавно. Словари новых слов датируют его появление в языке прессы 80-и годами[2] и выделяют в качестве ведущей сему «рекламности» образа, создаваемого преимущественно средствами массовой информации. Однако в последние годы не редки случаи использования слова *имидж* как полного синонима слову *образ*: *У меня в душе с детства живет имидж Пушкина, автора чудесных сказок*. Утрата специализирующих сем происходит в словах *лимитировать* (синонимизируется со словом *ограничивать*), *импонировать*, *легитимный*, *шокировать* и ряд других. Причины семантического преобразования могут быть различными. Так, слово *шокировать*, усвоенное русским языком в 1860-е годы, до недавнего времени употреблялось в значении 'ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением норм приличия', о чем свидетельствуют все толковые словари русского языка XIX–XX веков. Однако часто, и не только в обиходно-разговорном употреблении, оно используется в значении 'очень удивить, поразить'. Показательны и в известной мере типичны такие контексты: *Нас шокировала чистота на улицах городов. Мы были шокированы вежливостью персонала гостиницы*. Расширение семантики слова шокировать может быть объяснено установлением в сознании говорящего словообразовательной связи со словом шок, всё чаще употребляемым в новом значении 'очень высокая степень удивления'[3]. Можно считать, что смысловое преобразование в современном языке идет в обоих словах параллельно, хотя наблюдения показывают, что сначала оно сформировалось в глаголе. Подобный процесс мы видим также в словах *шоу*, *шлейф*, *флер* и проч.

Расширение семантики заимствованного слова может приводить к совпадению вновь появившегося значения со значением слова в языке-источнике. Так, слово *шлягер*, вошедшее в русский язык в 1960–70-е годы в значении 'популярная эстрадная песня, мелодия'[4], начинает использоваться для обозначения популярного

---

[1] Ср. в Словаре современного русского литературного языка в 20 томах: Т. 3. Москва, 1992:

1. Единица наследственности, [...] участвующая в формировании признаков и свойств организма.

2. *Перен.* Зародыш, зачаток.

[2] См.: Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. Москва, 1984 и Лексические трудности русского языка: Словарь-справочник. Москва, 1994.

[3] Названное значение не отражено ни в одном из толковых словарей, но частотно в употреблении и подкрепляется агрессивной рекламой. Ср. рекламный слоган самарского шоколада: Шок — это по-нашему!

[4] См.: Словарь новых слов русского языка в 1950–1980 гг. С[анкт)-Петербург, 1995. Интересно, что вышедший в 1971 году словарь «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы» 1960-х годов не включает еще слова *шля-*

музыкального произведения вообще (ср., например: *На фестивале прозвучали известные оперные шлягеры, в том числе «Евгений Онегин»*), что сближает новое употребление с одним из значений немецкого Schlager. Однако едва ли можно видеть здесь случай семантического заимствования, хотя бы по причине недостаточного распространения немецкого языка в современном обществе. В других случаях можно увидеть приметы семантического воздействия языка-источника. Так, в слове «версия» значение 'вариант, редакция' (ср.: *Новая версия спектакля*), — по-видимому, результат воздействия французского слова version.

Расширение лексического значения очень ярко проявляется в семантических кальках, распространившихся в языке последних лет. Показательно семантическое преобразование слова *еда*, нередко вытесняющее традиционное *продукты* на вывесках магазинов. Перед нами несомненный случай калькирования английского food. Но производящие подобную замену не учитывают смысловых, а также и стилистических особенностей слова *еда*, относящегося в русском языке к разряду разговорных, чем объясняется неуместность его использования в целях родового обозначения[1]. Семантическое калькирование, приводящее к расширению значения, охватывает большое количество слов, и в результате формируются слова с неопределенно широким значением, например, *крутой*, *правильный*. С ними сближается ставшее модным *проблема*, заменяющая слова *сложности*, *трудности*, *заботы*, *затруднения*, *осложнения* и под.

Этот же процесс затрагивает и некоторые словообразовательные гнезда слов. В переводных текстах (преимущественно в диалогах зарубежных фильмов) повсеместно для передачи сочувствия по поводу случившегося не по вине говорящего, используется глагол *сожалеть*. При этом устраняется важная для значения слова сема раскаяния и обедняется свойственная русскому языку богатая гамма средств выражения сочувствия. Можно предположить, что причиной смыслового преобразования послужило влияние слова *сожаление*, в составе модального выражения *к сожалению*, употребляемое как выражение огорчения по какому-либо поводу. Однако и это объяснение не оправдывает подмены, поскольку снижается степень сочувствия, и потому оба эти слова не применимы к трагической ситуации, а именно к ней относят обычно небрежные переводчики слово *сожалею*.

Семантическое расширение проявляется также в характерном для последнего времени неучете эмоционально-экспрессивных свойств слова или в произвольной их замене. Часто это сопровождается формулами «в хорошем смысле слова», «(говоря) по-хорошему», когда, по мнению говорящего, слово, называющее негативное явление, можно использовать для обозначения явления положительного или нейтрального. Ср., например: *Политик должен быть в хорошем смысле авантюристом, легким на подъем, умеющим принимать нетрадиционные решения, делать оригинальные ходы*, где весь текст показывает, что слово *авантюрист* неуместно, поскольку оно содержит в русском языке в качестве обязательной семы 'беспринципность', 'расчет на случайный успех'[2]. В другом случае во фразе *В хо-*

гер, хотя оно уже было употребительным (ср. иллюстрации в следующем по времени словаре «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1970-х годов. Москва, 1984»).

[1] Ср.: *Еда* — 1. Действие по 1. знач. глаг. есть[...]2. *Разг*. То, что едят; пища, кушанья. — Словарь современного русского литературного языка в 20-и т. Т. 5–6. М., 1994.

[2] Наиболее отчетливо это качество слова представлено в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1998: *авантюрист* — 'беспринципный человек,

рошем смысле националист не учтена так же обязательная для слова сема наличия национальной исключительности и нетерпимости. Несмотря на значительную распространенность явления, его следует считать несомненной ошибкой, поскольку объективно в языке нет условий для свободного обращения с присущим словам оценочным компонентом.

Семантическое расширение приобрело особый статус: если раньше соответствующие факты были свойственны речи малообразованных людей и расценивались как нарушение литературной нормы, то теперь они достаточно распространены в речи интеллигенции и отражают своеобразный процесс, происходящий в современном литературном языке.

Вместе с тем это явление может использоваться в полемике. Именно в этой роли еще совсем недавно употреблялось в прокоммунистической публицистике слово *геноцид*. Из его значения 'истребление отдельных групп населения *по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам*' устраняются выделенные семы, что позволяет применять слово в значении 'истребление людей в широком масштабе'. При этом опущенные семы сохраняются в качестве потенциальных. Из-за трагического опыта Второй мировой войны слово геноцид вошло в общенародный язык и потому эксплицитно опущенные семы актуализируются в сознании, что служит созданию образа бесчеловечной власти, проводящей реформы в России.

Семантическое расширение, влекущее за собой обеднение значений иностранных слов, — явление распространенное и объясняемое отсутствием опоры в речевом опыте говорящего. Опорой в подобных случаях могло бы служить слово в языке-источнике. Но и этого недостаточно: напротив, именно знание иностранных языков было в XVIII и XIX вв. причиной семантической индукции[1]. Аналогичный процесс наблюдается в речи молодежи, при недостаточно высоком уровне владения русским литературным языком знакомой с иностранными языками, преимущественно английским[2].

Гораздо реже семантическое расширение проявляется в собственно русской лексике, поскольку слово в родном языке опирается на деривационные связи слова. Но они могут служить преодолению идиоматичности слова, особенно при употреблении элементов пассивного словаря. Уже существующее в языке слово используется «в качестве готового знака, который наполняется новым содержанием в соответствии с определенным осмыслением его «этимологической формы» (Русский язык и советское общество... С. 103). Ср., например, смысловое преобразование слова *ровня*. Его устоявшееся значение, о чем свидетельствуют все толковые словари, — 'человек, равный другому по каким-либо признакам (по происхождению, социальному положению, по званиям и т.п.)'. Однако в современном употреблении оно нередко сохраняет только общую сему равенства, что приводит к появлению контекстов типа: *Частный предприниматель — не ровня администрации*.

занимающийся авантюрами', *авантюра* — 'рискованное, сомнительное депо, предпринятое в расчете на случайный успех'.

[1] См. подробно: Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. Москва-Ленинград, 1965.

[2] «Смешенье языков», неразличение их элементов и сфер применения — давно выявленный признак недостаточного владения каждым из них, осмеиваемый еще в XVIII–XIX веках.

Реализация этимологической формы приводит к семантическому расширению в слове *временщик*. Оно возникло в XVIII веке, и в качестве синонима к слову *фаворит* употребляется до сих пор. Но в 1970-е годы появляется, по-видимому самостоятельным путем как результат реализации словообразовательной структуры, его омоним со значением 'временный, непостоянный работник'. При этом происходило «отталкивание» от существующего слова посредством ударения, подчеркивавшего, кстати, этимологическую форму, — *врЕ-менщик*[1]. В 1980-е происходит акцентологическое выравнивание[2] при сохранении значения. Но в последнее время, происходит расширение значения — 'тот, кто чувствует, осознает свое положение, состояние временным': *Психология временщика, пришельца. Переселенцы из стран СНГ не считают себя в России временщиками*. Аналогичные примеры семантических изменений в языке последних лет приведены О.П. Ермаковой в неоднократно цитируемой монографии. Так, в слове выдвиженец «деактуализируется значение 'передовой работник (рабочий, колхозник, строитель), выдвинутый на ответственную работу'» и «начинает актуализироваться значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной структуры: «тот, кого куда-то кто-то выдвинул (предложил в качестве кандидата к избранию)» («Русский язык конца XX столетия...» С. 37–38), что отразилось и на синтагматических свойствах слова.

В ряде случаев слову приписывается новое значение под влиянием пересмотра его деривационных отношений: *воспринять* начинает употребляться в несвойственном ему значении 'согласиться с чем-н., отнестись к чему-н. положительно', уподобляясь синониму *принять*, так что распространенные выражения типа «*Я не воспринял ваших возражений (вашего предложения)*», используемые говорящими как средство выражения несогласия, приобретают незапланированный каламбурно-самокритичный смысл ('я не понял...'). Происходит семантическое изменение, по-видимому, потому, что приставке придается не смысло-, а стилеобразующее значение, и в результате *воспринимать* выступает в роли «высокого» синонима по отношению к своему парониму. Рассмотренное преобразование широко распространено в кругах чиновников, среди многих депутатов и проч.

В других случаях происходит внутрисловная индукция, при которой парадигматические связи слова в одном из его значений распространяются и на другие. Например, в последнее время широко распространилось, стало даже модным употребление слова *обязан* для выражения высшей степени проявления при слове *должен* в модальном значении, когда в сочетании с инфинитивом глагола оно употребляется для выражения возможности совершения называемого глаголом действия. В результате наряду с *нормативным В этих условиях больные должны выздоравливать* не редки фразы *В этих условия больные обязаны выздоравливать*, что придает высказыванию не предполагавшуюся говорящим иронию.

Источником и причиной расширения семантики служит реклама. Создаваемые нередко как прямые кальки, рекламные слоганы не учитывают различия семантических объемов соотнесенных слов разных языков, и так появляются выражения

---

[1] См.: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов.

[2] См.: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов), С[анкт]-Петербург, 1995.

деликатная стирка, *правильное пиво* и т.п. Частота повторяемости рекламных текстов как бы навязывает эти семантические сдвиги, и их «нерусскость» уже перестает осознаваться говорящими, о чем свидетельствуют результаты опросов среди рядовых носителей литературного русского языка.

Механизмы и формы проявления семантического расширения собственно русских слов различны, но количественно, что вполне объяснимо, они уступают иностранным словам.

В работе не ставилась задача дать исчерпывающее описание всех разновидностей семантического расширения, свойственных современному русскому языку в его «публичной» разновидности, были рассмотрены наиболее характерные: было важно выявить и рассмотреть само явление. Кроме того, нужно подчеркнуть, что параллельно, хотя и в значительно меньшей степени, идет противоположный процесс семантического сужения, так же более распространенный среди заимствований, особенно терминов.

Так, семантическому гнезду *лобби* (*лоббист*, *лоббировать* и др.) часто приписывается сема незаконности, и вследствие этого словам приписывается пейоративно окрашенное значение. Более того, в случаях, когда нужно нейтрально, без оценки назвать само явление, используют формулу *в хорошем смысле* (*Интересы производства в парламенте должно представлять* *в хорошем смысле лобби*). Подобному семантико-коннотативному преобразованию подвергались в 30-е годы слова, связанные с отвергаемой социальной системой[1]. Очень ярко это проявилось в истории семантического гнезда *спекуляция* (*спекулировать*, *спекулянт* и проч.), отражение которой можно найти в словарях советской эпохи. Начиная с первых изданий *Словаря русского языка* С.И. Ожегова у слов гнезда как в исходном, так и в производных значениях в качестве обязательной приводится сема преступности, злого умысла[2], которая устраняется лишь в последних изданиях, а значение, сформировавшееся в 30-е годы, в настоящее время уходит в пассивный фонд, тогда как в активный запас возвращается значение, называющее действия, связанные с биржевыми сделками[3].

Семантическое расширение приобретает в последнее десятилетие особый статус: оно распространяется в современной публичной речи представителей разных социально-культурных групп. При этом особое внимание привлекает его использование людьми интеллигентных профессий, оказывающими значительное влияние на общество: журналистами, публичными политиками. В связи с этим возникает необходимость дать ортологическую оценку явления. Хотя оно по-прежнему вызывает неприятие значительного числа носителей литературного языка, можно высказать предположение, что перед нами проявление особого процесса, присущего функционированию современного литературного языка, отражающее тенденцию его развития — ослабление строгости и обязательности норм.

---

[1] См.: Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. Глава третья. Москва. 1968.

[2] Ср.: Спекуляция — 1. Преступная скупка и перепродажа частным лицом продуктов, товаров широкого потребления [...] с целью наживы [...] (презрительно). 2. перен. Основанный на чем-н. расчет, умысел, направленный на использование чего-н. в своих целях (неодобр[ительно]). Словарь русского языка. Составил С.И. Ожегов. Москва, 1953.

[3] См.: Толковый словарь русского языка конца XX в. и последние издания Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

Неучет семантической специализации иноязычных слов, приводящий к размыванию их смысловых границ, характерен для языка последних лет и отличает его от языка предшествующих периодов, для которых было характерно стремление к семантической специализации заимствований, в результате чего они пополняли синонимические ряды в качестве идеографических синонимов, а в конечном счете сформировалась особая лексико-семантическая система. «Несомненно, [эта] тенденция семантической дифференциации наложила сильный отпечаток на всю систему лексики современного русского литературного языка, особенно на лексику книжного, отвлеченного характера. Бесспорно, что в этом отношении во многих случаях русский литературный язык отличается от некоторых других наиболее развитых языков мира склонностью к большей семантической определенности слова» (Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка... С. 544). Можно предположить, что 1990-е годы открывают особый период в развитии этой системы.

Однако многие факты, рассмотренные выше, могут расцениваться как отражение еще одного процесса — разрушения традиционной нормативности, изменение свойств и функций литературно-языковой нормы: она перестает быть обязательной, обретает черты рекомендуемой. Происходит это в значительной мере из-за изменения социально-культурного состава тех, кто активно действует «на поле» литературного языка: на смену правилам и требованиям, как бы «спускаемым сверху», появляются нормы, устанавливаемые полустихийно, регулируемые преимущественно «языковым воспитанием» личности и мотивируемые условиями речи.

При оценке явления семантического расширения книжных слов нужно рассмотреть его в разных аспектах. С одной стороны, оно причиняет вред языку, обедняя его семантически и в известной степени разрушая сложившуюся лексико-семантическую систему, способствуя одновременно расшатыванию и даже разрушению качества литературной нормы. Но при этом тенденция к ее расшатыванию отражает общую тенденцию развития: «это свойственно всем современным языкам, тем более «большим» языкам, на которых говорит все более этнически пестрое население, к тому же, в силу известной демократизации жизни, отношение к нарушениям нормы также изменилось. Французские лингвисты говорят даже о «плюринорме»»[1]. В современном русском литературном языке названная тенденция обусловлена в первую очередь изменением и расширением круга пользующихся им, сменой критерия языкового авторитета, общим снижением уровня речевой культуры общества и скоростью распространения языковых новаций. Кроме того, налицо роль бедного словаря и «речевой лени» (при которой не дают себе труда подобрать подходящее по смыслу и экспрессивным свойствам слово) и влияния нелитературных систем с присущей им «эластичностью» семантики.

Констатируя тенденцию, лингвисты не должны оставаться на позиции наблюдателя, поскольку следствием «расширения» лексических значений слов является семантическое обеднение языка и деформация существующей лексико-семантической системы русского литературного языка, которая обладает несо-

---

[1] Это мнение В.Г. Гака приведено в работе Ю.Н. Караулова «О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции «Русский язык и современность, проблемы и перспективы развития русистики». Москва, 1991. С. 40.

мненными достоинствами. Активность ученых будет отвечать традиционной нормативно-стилистической позиции.

Другим характерным семантическим процессом, определяющим состояние лексики, является процесс, более тесно связанный с социально-культурными изменениями в жизни российского общества, — процесс «омонимизации». Термин был предложен В.П. Григорьевым, а суть явления в том, что «слова одни и те же, а смыслы различны до полярности» (О состоянии русского языка... С. 42). Первопричину явления В.П. Григорьев видит в поляризации общественной жизни: «В нормальном обществе [язык аргументов и контраргументов] развивается нормальным, естественным путем. Мы же не только говорим, но и слышим (!) «на разных языках», на разных тезаурусах. И не только из-за неинтеллигентности, но и потому, что это объективно, в самом языке налицо процесс «омонимизации», «контрастивной полисемии» (не знаю, как точнее его обозначить). Слова одни и те же: *рынок*, *перестройка*, *совесть*, *духовность*, *русская идея*, *порядочность*, *нравственность* и т.д.» (Там же. С. 41–42). Приведенные автором примеры объединены тематически, связаны с проблемами общественно-политической, экономической жизни и нравственности.

Это явление было выявлено Б.А. Лариным еще в 1920-е годы. Он выделил особый тип семантических различий — концептуальные различия: «Слова <...> соответствуют разным точкам зрения, разным представлениям, различие обусловлено не в *мире бытия*, а в *мире сознания*» (Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. С. 32). Именно поэтому и происходит то, что можно считать особой энантиосемией слова. Рассмотрим это на примере лексемы *духовность*. В русском языке она имеет давнюю и сложную историю. В XVII веке оно возникает в значении 'дела, касающиеся веры и нравственности и подлежащие ведению духовенства' (Словарь русского языка XI–XVII веков, вып. 4). В XVIII веке формируется второе, светское значение — 'свойство духовного, нематериального', отмеченное составителями как «новое для языка» (Словарь русского языка XVIII века, вып. 7). Секуляризация общества в советский период приводит к доминированию светского значения (ср. данные словарей той эпохи) и только в 1990-е годы оно приобретает «законные права», возвращаясь в значении 'сфера религиозных интересов человека' в активный словарь[1]. Но нередко носители языка, в первую очередь духовные лица, как бы исключают «светское» значение. Ср. характерный пример: корреспондент «Радио России» противопоставляет в беседе *духовность* и *культуру*: «Сегодня мы будем говорить не о культуре, а о духовности». Семантическое расщепление слова может приводить к энантиосемии. В 1990-е годы чаще всего это происходит под влиянием противоположных коннотаций, особенно в общественно-политической лексике, но тут причина нередко лежит во взглядах говорящих.

Близко к рассмотренному явлению следствие переоценки явлений действительности, не приводящее к семантическим преобразованиям в слове, но вносящее потенциальные оценочные семы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград, 1974.

[1] См.: Толковый словарь русского языка конца XX века.

О состоянии русского языка: Материалы почтовой дискуссии // Русская речь. 1992. № 3. С. 42.

Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 4. М., 1977.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб., 1998.